

ОСОБЕННОСТИ «КАРАБАХСКОЙ СТРАТЕГИИ» АЗЕРБАЙДЖАНА: ПОЛИТИКА «ПЕРЕФЕРИЙНЫХ» ДЕЙСТВИЙ, НЕФТЯНЫЕ РЕСУРСЫ И ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ

Сергей Минасян

Несмотря на всю терминологическую сложность дефиниции слова «стратегия», в данной работе мы условно будем называть «карабахской стратегией» Азербайджана всю совокупность подходов, концепций и взглядов руководства этой страны, способы политического, военного, экономического, коммуникационного и иного воздействия, которые осуществляет официальный Баку в отношении к Нагорному Карабаху и Армении. Составной частью указанной «стратегии непрямым действий» Азербайджана также следует считать его информационно-пропагандистские, экономические и военно-политические инициативы (сознательные или неосознанные), адресованные вовлеченным в процесс карабахского урегулирования странам и международным организациям.

Именно анализу особенностей и реального потенциала трех ключевых элементов «карабахской стратегии» Азербайджана – информационно-политического воздействия, нефтяных доходов и милитаризации региона – и посвящена данная работа. Для более детального понимания проблемы в работе приводится также сравнительный анализ ситуации с учетом имеющегося мирового опыта военно-политических процессов в аналогичных локальных вооруженных конфликтах – в частности, на примере арабо-израильского противостояния.

В настоящее время общий анализ ситуации вокруг карабахского конфликта, оценка позиций как противостоящих сторон, так и основных внешних акторов и посредников позволяют утверждать, что налицо полное несовпадение подходов и неготовность конфликтующих сторон к компромиссам и взаимным уступкам. Уровень гипотетических максимальных уступок, на которые в принципе может быть готова любая из противоборствующих сторон в ходе переговоров, абсолютно не соответствует тем минимальным ожиданиям, которых ждут общества и элиты с другой стороны в качестве необходимого условия для «справедливого» (по их мнению) урегулирования конфликта.

С другой стороны, как внешние ограничители – в виде принципиальной позиции ведущих держав и международного сообщества, так и сложившийся комплексный военно-политический и военно-технический баланс на современном этапе реально сдерживают возобновление боевых действий в зоне конфликта. Однако острое противостояние армянских и азербайджанской сторон этим не уменьшается, оно просто переходит в иную стадию т.н. односторонних «периферийных» действий – активизации гонки вооружений, использования фактора времени, силового шантажа, попыток ослабить противостоящую сторону экономически и психологически и вынудить к односторонним уступкам, и т.д. В основном эти действия иницируются реваншистскими настроениями в Азербайджане, который по итогам военных действий считает себя пострадавшей стороной. Однако значительное количественное превосходство (по мнению азербайджанских властей и в соответствии с настроениями, царящими внутри политической элиты и общества этой страны) в экономических, демографических и даже военных показателях создает у Баку иллюзию возможности и реальности изменения сложившегося статус-кво и «возврата» Карабаха всеми возможными способами.

Нынешний этап развития процессов вокруг карабахского конфликта отличается, в первую очередь, усилением гонки вооружений в зоне противостояния за последние два-три года. Инициатором этого на нынешнем этапе является Азербайджан, руководство которого считает, что путем военных угроз и усиленной милитаризации может заставить армянские стороны пойти на уступки в карабахском вопросе. Однако по мере реализации (и/или публичного декларирования) Азербайджаном политики так называемого «откладывающегося реванша», Армения и Карабах также стали высказывать более непримиримую позицию. Тем самым в настоящее время можно зафиксировать четкую тенденцию в действиях противоборствующих сторон: Азербайджан декларирует готовность к военному реваншу и усиленной милитаризации за счет притока нефтяных доходов, а армянские стороны в ответ заявляют о своей решимости выдержать долговременную гонку вооружений в регионе.

Одним из важных элементов данной политики Азербайджана является открытая и публичная угроза возобновить боевые действия, которая оказывает влияние и на психологическое восприятие конфликта как западными державами и международными организациями, так и определенными кругами внутри армянской политической элиты. Силовой шантаж проявляется как в заявлениях государственных и политических деятелей Азербайджана самых разных уровней, так и превалирует в настроениях и оценках большей части азербайджанской политической элиты и широкой общественности. Более того, низкая открытость и

большая централизация (по сравнению с Арменией) азербайджанского общества и политической сферы делают эту позицию практически безальтернативной в восприятии конфликта и путей его разрешения в Баку. Дополнительную аргументацию политики Азербайджана в глазах его руководства и политической элиты добавляют также неоправданно высокие ожидания от роли нефтяного фактора и желание навязать Армении и Карабаху гонку вооружений.

1. Информационно-политическое воздействие «карабахской стратегии» Азербайджана на Армению и Нагорный Карабах

Публичный силовой шантаж со стороны Азербайджана является довольно рациональным и естественным путем реагирования Баку на процессы, развивающиеся вокруг карабахского конфликта. Именно в силу проигрыша Баку в боевых действиях 1992-1994гг. очевидно, что, как потерпевшая сторона, Азербайджан при любом из ныне обсуждаемых (и реально осуществимых) вариантов урегулирования теряет больше, чем армянские стороны. Другими словами, если при всех нынешних вариантах урегулирования Азербайджан может рассчитывать на теоретический возврат определенной территории вне административных границ бывшей НКАО, при этом однако однозначно должен будет согласиться на то, что сам по себе Нагорный Карабах будет для него окончательно потерян и не будет возвращен под его юрисдикцию: это мнение как самих международных посредников, так и содержание тех предложений, которые найдутся на столе переговоров Минской группы ОБСЕ. На это объективно может также повлиять и так называемый «косовский прецедент», причем не столько в виде параллелей с Карабахом в правовой или политической плоскостях, а в силу изменения фона и восприятия легитимности факта создания новых государств в глазах западного и международного сообщества.

Именно в силу этого азербайджанская сторона проявляет намного меньшую готовность и высказывает иррациональное нежелание к компромиссам и уступкам. В то же время армянская сторона старается публично показывать свою готовность к компромиссам, т.к. при всех прочих факторах эта позиция армянских сторон находит намного большее понимание у западных стран и международных организаций. При этом можно утверждать, что на фоне бескомпромиссности азербайджанцев и полного отказа от каких-либо уступок данная политика армянских сторон выглядит весьма выгодной и относительно безопасной. Кроме этого, в силу внутривнутриполитических событий в Армении после президентских выборов 19 февраля 2008г. абсолютно ясно, что Азербайджан (естественно, по своему интерпретируя их причины и последствия) еще более ужесточит свою позицию, и поэтому даже в среднесрочной перспективе будет

вообще нереально говорить о возможности какого-либо компромиссного урегулирования или наличия у Баку желания к уступкам¹.

Тем самым, политика силового шантажа и неготовность к реальным компромиссам содержат понятные и объективные предпосылки и практически безальтернативна для современного Азербайджана. Антиармянская риторика и «идея-фикс» о возвращении Карабаха любыми способами также являются краеугольными элементами процесса национальной консолидации и государственного строительства постсоветского Азербайджана. Необходимость борьбы за возвращение Карабаха и декларируемая готовность принести и выдержать для этого необходимые жертвы и издержки рассматривается азербайджанским обществом и частично элитой как составляющие общей динамики современного политического развития страны. Более того, само азербайджанское общество остро нуждается в указанной идее «отложенного военного реванша» и вере в будущую «большую нефть» (в качестве инструментария реализации реванша) как идеологической основы национальной консолидации. Кроме этого, реваншизм и антиармянские настроения являются очень эффективным каналом нейтрализации в азербайджанском обществе острого социального недовольства, которое в ином случае было бы более агрессивно адресовано правящим элитам этой страны.

Естественное и неизбежное состояние острого реваншизма азербайджанской политической элиты, как показывает мировой опыт, может сохраняться в течение долгого времени. Реваншизм проигравшей стороны может исчезнуть или ослабнуть лишь тогда, когда у нее пропадет внутренняя надежда вновь выиграть у победителя. Это может быть достигнуто или значительным усилением потенциала победителя над проигравшим за все время после победы и осозна-

¹Своей неуступчивостью и нежеланием пойти даже на небольшие уступки Армении и Нагорному Карабаху Азербайджан очень напоминает некоторые арабские страны и политические движения в их противостоянии с Израилем. Своими максималистскими и нереалистическими требованиями к Израилю палестинцы и соседние арабские государства делают невозможными практическую реализацию той готовности к уступкам, которую в течение последних десятилетий неоднократно демонстрировала часть израильского общества и политической элиты. И даже односторонние шаги со стороны Израиля в виде вывода войск из Южного Ливана, попытки проведения политики размежевания и ликвидации ряда израильских поселений на арабских территориях («консолидации») и готовность Тель-Авива к дальнейшим уступкам ввиду неуступчивости арабов оказались неэффективными и ненужными. Это доказали события последних нескольких лет и особенно неудачная война Израиля в Ливане летом 2006г. Как отмечает израильский исследователь: «Ракеты «Хезболлы» вместе с иранской ядерной программой похоронили план «консолидации». Подобно тому, как в 2000г. еврейские поселения Голан были спасены неуступчивостью Хафеза Асада, а поселения в Иудее и Самарии – неуступчивостью Ясира Арафата, отвергнувших все предложения Эхуда Барака и Билла Клинттона, сегодня израильская готовность к уступкам на «палестинском направлении» была остановлена иранскими аятоллами и направляемыми ими силами «Хезболлы». См. подробнее: *Эпштейн А.* Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики. М., 2007, с. 61-62.

нием нереальности реванша, или же повторным или многократным поражением страны-реваншиста¹.

Однако в настоящее время в силу сложившегося военно-технического и военно-политического баланса (важнейшей составной частью чего является также нынешняя выгодная для обороны и фортификационно укрепленная армянская линия обороны в Низинном Карабахе) Азербайджан не готов вернуть Карабах силой. Несмотря на заявления Азербайджана о скорых нефтяных доходах, по оценкам международных экспертов военный баланс в ближайшие годы не изменится. Однако, с другой стороны, не изменился и не может ослабнуть реваншизм в карабахском вопросе у значительной части азербайджанского общества. Как показывает исторический опыт, динамики общественных настроений в государствах, имеющих вооруженные конфликты с соседними странами (особенно в случае противостояния стран с количественно примерно сопоставимыми военными потенциалами, как, например, в ходе арабо-израильских войн вплоть до 1982г. включительно), реваншизм проигравшей стороны может ослабиться лишь после еще одного тяжелого поражения (или серии поражений) или же полной и долговременной деактуализации имеющегося конфликта с одновременным сохранением статус-кво в течение долгого периода. Как указывал в свое время выдающийся немецкий военный классик Карл фон Клаузевиц, поражение в войне практически никогда не рассматривается потерпевшей стороной как абсолютная и окончательная реальность, «ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями»[1, с. 27].

В таких условиях Азербайджан пытается создать для себя более благоприятные условия в карабахском вопросе путем «периферийных» действий, в том числе откровенного силового шантажа, и попыток оказания косвенного информационно-психологического, политического и экономического влияния на Армению и Карабах. Данные «непрямые периферийные действия» в частности включают: блокаду коммуникационных путей Армении, торпедирование всяких реальных попыток налаживания регионального сотрудничества на Южном Кавказе (в том числе инициируемых европейскими и международными организациями), жесткую пропагандистскую войну против Армении и Карабаха, попытки играть на противоречиях основных внешних игроков в регионе и т.д.

¹ Ярким примером ослабления реваншизма проигравшей стороны в современных локальных конфликтах может служить Египет (и отчасти Иордания) в отношении к Израилю после серии поражений в войнах с израильтянами вплоть до 1973г. И хотя по итогам Кэмп-дэвидских соглашений Израиль вернул Синайский полуостров, но главная и глобальная цель тогдашнего египетского руководства – полное уничтожение Государства Израиль, к которой в свое время Египет стремился, наверное, больше всех в арабском мире, – теперь уже перестает восприниматься как таковая официальным Каиром. В результате, Египет в настоящее время поддерживает с еврейским государством довольно тесные отношения в торгово-экономической и даже туристической сферах.

Можно также отметить, что силовой шантаж Азербайджана адресуется не только и не столько Армении (хотя некоторыми кругами армянской политической элиты он воспринимается вполне серьезно), но и западным странам и международным организациям, вовлеченным в урегулирование конфликта или в политические процессы в регионе Южного Кавказа. Однако, как это ни парадоксально, западные страны и организации, в отличие от армянских элит и общественности менее информированные и менее заинтересованные в карабахском вопросе, в силу неактуальности данного вопроса также и менее остро реагируют на шантаж Азербайджана.

В случае с Арменией, а вернее – с реакцией определенной части армянской элиты, мы имеем дело зачастую с поверхностным восприятием реальности азербайджанского силового шантажа. Вопрос не в том, что азербайджанская пропаганда дает результаты внутри армянской общественности, а в том, что определенная часть армянской элиты сама готова воспринимать ее как таковую для аргументации своих подходов. В частности, это не позволяет недостаточно вникающей в проблему части армянской общественности понять простую аксиому: ни страны Европы, ни США, ни Иран, а возможно даже и Россию не волнует принадлежность Карабаха (если, конечно же, будет продемонстрирована решимость защищать эти земли). Главное для них – сохранение безопасности в регионе, функционирование энергетических и коммуникационных проектов, недопущение чрезмерного увеличения влияния на Южном Кавказе любого из региональных или внерегиональных центров силы. Армянское общество отчасти страдает иллюзиями, что добровольная сдача земель вокруг Карабаха или односторонние уступки добавят им симпатии международного сообщества. Хотя, в принципе, это вполне естественное восприятие проблемы со стороны формирующейся политической элиты малого государства, находящегося в довольно непростом внешнем окружении, имеющего сравнительно недолгую историю независимого существования и испытывающего постоянную необходимость политического и экономического содействия со стороны ведущих держав и военно-политических организаций. Вследствие этого армянские элиты более подвержены к поискам симпатий внешних акторов (в первую очередь США и ведущих европейских держав) и, ввиду невозможности «предложить» им иной «ресурс», пытаются возместить это созданием образа максимально толерантного и прогнозируемого государства в регионе, готового к всякого рода компромиссам ради сохранения мира и стабильности на Южном Кавказе.

Но, с другой стороны, данные настроения способствуют упрочнению у азербайджанцев иллюзорного представления об уступчивости армянского общества в карабахском вопросе и необходимости продолжения политики давле-

ния и силового шантажа со стороны Баку. В реальности это является не чем иным, как показателем определенного уровня толерантности, плюрализма и свободы слова в политической жизни Армении, что в свою очередь весьма благоприятно воспринимается западными странами и международными организациями. Отсутствие стереотипного консенсуса в позиции Армении по карабахскому вопросу внутри армянского общества является отнюдь не проявлением «слабости», а скорее «внутренней силы» общества и элиты – в виде наличие элементов реального плюрализма и относительной свободы слова в стране. Это стимулирует необходимость активного общественного обсуждения и выработки новых идей или же, наоборот (что может быть даже важнее), – необходимости большей аргументации реалистической бескомпромиссной точки зрения и отмирания старых парадигм по карабахской проблеме у части политической элиты Армении.

Одним из результатов военной победы в Карабахе является то, что армянское общество более восприимчиво к уступкам и компромиссам. Это ощущение, в свою очередь, создает ложные иллюзии в Баку, стремящегося интерпретировать данные настроения как показатели усталости и уступчивости армянского общества в карабахском конфликте. Однако в Баку не замечают или не желают замечать того, что уступки, к которым теоретически могут быть готовы в Ереване (и отчасти в Степанакерте), в восприятии армянской политической элиты в принципе не касаются жизненных интересов в сфере безопасности и реализации фундаментальных прав народа Карабаха.

Публичное декларирование во внутривнутриполитической борьбе некоторыми армянскими политиками необходимости определенных уступок в карабахском вопросе абсолютно не является поводом подозревать их в каком-либо «пораженчестве». Естественный дискурс в конкурентной внутривнутриполитической борьбе о возможности уступок тем более не дает повода внешним силам надеяться на то, что в случае каких либо внутривнутриполитических изменений в Армении могут реально измениться основные стратегические приоритеты страны, причем не только в карабахском вопросе. Особенно если учесть, что многие из этих политических деятелей в свое время сыграли важную роль в военных и политических успехах армянских сторон в ходе военных действий 1990-х гг., а будучи уже в оппозиции, продолжали принимать активное участие в различного рода общественно-политических процессах, связанных с Карабахом.

Поверхностное деление армянских политических лидеров на так называемых «ястребов» и «голубей» во внешней политике во многом является ошибочным и не соответствующим реальности политической жизни Армении. Чтобы понять это, необходимо просто вспомнить важнейшие события и важнейших

действующих лиц новейшей армянской истории. Как показывает опыт многих локальных конфликтов современности, зачастую к наибольшим уступкам в этнополитических конфликтах на каком-то этапе призывают именно политические лидеры с наиболее непримиримыми и радикальными националистическими взглядами, значительным опытом политической, военной, подпольной борьбы и т.д., а также наиболее блестящие и удачливые военачальники. И наоборот – имеющие образ миролюбивых и склонных к компромиссам в вооруженных конфликтах с соседями «либеральные» политические лидеры зачастую (осознанно или даже не очень) принимают наиболее жесткие и радикальные решения, начинают войны и формируют военные коалиции.

К примеру, в преддверии Шестидневной арабо-израильской войны 1967г. одним из наиболее жестких критиков начала Израилем боевых действий являлся Давид Бен-Гурион, вся жизнь которого прошла в политической (а еще ранее в подпольной!) борьбе за независимость и безопасность еврейского народа. Основоположник и первый премьер-министр еврейского государства искренне считал этот шаг губительным для Израиля, неспособного, по его мнению, выиграть новую войну против арабов. А решение о начале победоносной войны 1967г., кардинально изменившей политический ландшафт на всем Ближнем Востоке, принимал тогдашний премьер-министр Леви Эшкол, имевший в Израиле репутацию весьма нерешительного, мягкого, склонного к бесконечным переговорам и всевозможным уступкам политического деятеля¹.

Более того, даже радикальная оппозиционно настроенная часть армянской общественности четко осознает ту жестокую реальность, что сама по себе идея сдачи земель Низинного Карабаха и уступки силовому шантажу Азербай-

¹ Израильские политологи также особо подчеркивают указанную закономерность стереотипности упрощенного деления политиков в их отношении к урегулированию конфликтов с соседями на склонных к уступкам или же непримиримых «ястребов» исключительно на основе их причастности (или же непричастности) к предыдущим успешным военным действиям или подпольной борьбе, а также исходя из факта наличия военного или внешнеполитического опыта. «Договор о полной отдаче территории Синайского полуострова Египту был подписан бывшим лидером еврейских подпольщиков, наиболее преданным последователем непримиримого З.Жаботинского Менахемом Бегиним, а руководителем израильской делегации на международной конференции в Мадриде был еще более непримиримый радикал, в прошлом – вождь боевой организации ЛЕХИ Ицхак Шамир... Опыт правления так называемого «национального» лагеря свидетельствует: для того чтобы развивать и углублять отношения с палестинцами и арабскими странами, совсем не обязательно облачать всей полнотой власти социал-демократов. Достижение тех или иных договоренностей между Израилем и арабами в гораздо большей степени зависит от готовности или неготовности тех или иных арабских лидеров идти на соглашение с Израилем, чем от того, какая именно политическая партия находится у власти в Израиле. Этот факт стал абсолютно очевидным в период правления Эхуда Барака, который ценой любых, прежде казавшихся невероятными, уступок пытался достичь мира с палестинцами, результатом чего стал не мирный договор, а новый виток палестинской интифады... Готовность к самым большим уступкам – как на палестинском, так и на сирийском направлении – была продемонстрирована премьер-министром Израиля Эхудом Бараком, посвятившем едва ли не всю свою жизнь службе в частях спецназа и военной разведке и удостоенным за это пяти воинских знаков отличия (беспрецедентный случай в истории Израиля)». См. подробнее: *Эпштейн А.Д.* Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир: войны и дипломатия. История и современность. М., 2003, с. 21-22.

джана не решают армяно-азербайджанского карабахского конфликта (т.к. главное противоречие заключается в споре о том, кому принадлежит вообще-то сам Карабах (!)), а просто переводят его в другую форму, где у армян не будет таких выгодных позиций для обороны и, следовательно, сохранения военно-политического и военно-технического баланса. Изменение географических позиций линии обороны в Низинном Карабахе всего лишь изменит баланс в пользу Азербайджана, и у Баку просто появится большее искушение возобновить боевые действия¹. Тем самым, изменение нынешнего статус-кво увеличит реальность возобновления боевых действий. Фактор размещения миротворцев вокруг границ в Карабахе также не решит проблемы, так как в случае форс-мажорных внешних обстоятельств (как показывает аналогичный мировой опыт) они не смогут гарантировать невозобновление боевых действий в зоне конфликта.

Тем самым, совокупность указанных факторов, в первую очередь во внутривнутриполитической жизни Армении, во многом сводит на нет или же значительно нивелирует все концептуальные политические, пропагандистские и иные «периферийные действия» Азербайджана в его «карабахской стратегии».

2. Нефтяной фактор в «карабахской стратегии» Азербайджана: «ресурс» или «проклятие»?

Одним из основных аргументов Азербайджана в его бескомпромиссной политике и подходах в карабахском конфликте является фактор перспективных значительных доходов от добычи нефти и газа. У Баку есть уверенность, что он способен благодаря доходам от экспорта каспийских энергоресурсов навязать Армении и Карабаху гонку вооружений в регионе, заставив тем самым пойти на значительные уступки в карабахском вопросе.

Суммарные оценки азербайджанских запасов нефти и газа на шельфе Каспийского моря варьируются в зависимости от политических пристрастий исследователей, и очень трудно составить объективное представление о цифрах реаль-

¹Своеобразной, хотя и относительной, аналогией такого разочарованного общественного отношения ко всем надеждам попытаться решить этнополитический арабо-израильский конфликт по формуле «территории в обмен на мир» являлась реакция населения Израиля в ходе так называемой «Второй Ливанской войны» летом 2006г. Когда результатом целой серии уступок и попыток пойти на компромисс с арабами со стороны Израиля стало не достижение долгожданного мира с палестинцами, а новая волна «интифад» и легитимный приход к власти в Палестине «Хамас», а добровольный вывод ЦАХАЛ из Южного Ливана лишь усилил позиции ливанской «Хезболлы», разочарованное израильское общество и политическая элита попытались вновь резко вернуться к своей политике силового сдерживания арабов и отказа от политики уступок. Другое дело, что летом 2006г. по целому ряду причин этого у Израиля уже не получилось, в отличие от войн 1956, 1967, 1973 и 1982 гг. Как отмечает израильский исследователь: «Раз за разом уступая и раз за разом не приближаясь при этом к столь возжеланному миру, израильтяне в большинстве своем полностью разочаровались в навязываемом иностранными дипломатами принципе «территории в обмен на мир»... Вторая Ливанская война подвела черту под пятнадцатую годами попыток достичь мира в регионе – попыток, по многим причинам потерпевших крах. Бомбы, сбрасываемые израильскими самолетами на различные объекты в Ливане, имели двойное значение, разрушая, в том числе, и ту – оказавшуюся иллюзорной – веру, которой были отданы пятнадцать лет израильской общественной жизни. Воюя в Ливане, израильтяне пытались победить не только «Хезболлу», но и самих себя». См. подробнее: *Эпштейн А.* Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики, с. 58-59.

ного углеводородного потенциала Азербайджана. Тем не менее, надо признать, что они весьма значительны (составляют примерно 3-7 млрд баррелей доказанных запасов нефти и около 850-1370 млрд кубометров природного газа), способны в течение длительного времени оказать влияние на экономическое развитие Азербайджана и должны обязательно учитываться при анализе региональных политических, военно-технических и социально-экономических процессов.

Однако нефть и газ – одни из важнейших сырьевых ресурсов в мировой экономике – при этом абсолютно не являются панацеей для стабильного экономического роста и политического развития стран-экспортеров, особенно если эти страны имеют лишь небольшой опыт государственного строительства и делают первые шаги на пути демократического транзита и формирования институтов гражданского общества. Не случайно в научной и аналитической литературе существует даже термин «нефтяное проклятие», который довольно точно характеризует степень экономических, социальных и политических проблем и сложностей, возникающих, когда на страну обрушивается денежный поток от продажи природных ресурсов. Эти проблемы являются «темной стороной» фасада экономического благополучия и политического развития стран-экспортеров нефти. В мировой истории есть десятки примеров стран, на дальнейшей судьбе и даже самом существовании которых фактор наличия богатых природных ресурсов (в первую очередь нефти и газа) зачастую сыграл коварную и даже роковую роль – от Нигерии до Мексики, и от Испанской империи Габсбургов до СССР [2, 3].

Практически стало уже аксиомой понятие о том, что обилие природных ресурсов (в первую очередь углеводородов), доходы от которых составляют большую часть поступлений в государственный бюджет, является очень существенной преградой на пути демократизации в развивающихся странах – экспортерах нефти¹. В этом контексте Азербайджан является одним из наиболее хрестоматийных примеров негативного влияния нефти на процессы демократизации страны [4, с. 43-47]. Ведь контроль над углеводородными богатствами лишает руководство нефтедобывающих стран каких-либо стимулов для разделения власти и создания условий ротации политических элит, т.к. дает удобную возможность властям покупать свою легитимность (или же навязывать с помощью эффективного полицейского и репрессивного аппарата) в глазах населения, а не завоевывать ее в ходе конкурентной борьбы и реальных демократических выборов. Однако значительная зависимость страны от экспорта природных ресурсов в долгосрочной перспективе делает ее уязвимой не только в политической, но также и в экономической и социальной сферах.

¹ Проблема прямого негативного влияния дешевых природных ресурсов на политическую природу режимов в развивающихся странах – экспортерах энергоресурсов и на процессах демократизации этих государств достаточно глубоко изучена в мировой политической и экономической науке. См. в частности: *Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России*, с. 88-95.

В частности, являясь экспортером энергоресурсов, Азербайджан, как и большинство развивающихся государств, экономика которых в значительной степени зависит от экспорта природных ресурсов, во многом подвержен симптомам т.н. «голландской болезни». Суть «голландской болезни» заключается в том, что доходы от сырьевых отраслей экономики (в которых при этом обычно занято относительно небольшое количество работоспособного населения страны) способствуют росту заработной платы и издержкам производства в прочих, «несырьевых», отраслях экономики. Происходит приток в страну «дешевой» валюты, что приводит к значительному завышению курса национальной валюты. При этом остальные секторы экономики становятся неконкурентноспособными как внутри страны, так и за ее пределами. Происходит также снижение инвестиционной активности (естественно, за исключением ресурсодобывающей промышленности и связанных с ней отраслей обслуживания и сервиса¹), т.к. импорт товаров оказывается более выгодным, чем их производство внутри страны. В результате все это приводит к сокращению несырьевого сектора производства, односторонности и зависимости экономики исключительно от колебания цен на сырье на международном рынке, усилению социальной напряженности в связи с банкротством малого и среднего бизнеса в стране [3, с. 162-167]. При этом накопившиеся проблемы в социальной сфере невозможно решить без развития остальных, нефтяных секторов экономики, т.к. нефтяной сектор, будучи очень капиталоемким, не может обеспечить рабочими местами значительное количество населения и решить проблемы безработицы.

Все вышеуказанные негативные симптомы и проявления «голландской болезни» в той или иной степени уже давно присутствуют в социально-экономической жизни Азербайджана². Это и бюрократизация и монополизация нефтеперерабатывающей промышленности, и олигархизация экономики, и ми-

¹ К отраслям, «обслуживающим» нефтедобывающую сегмент азербайджанской экономики, можно причислить сферу развлечений, услуг и столичной торговли, а также VIP-строительство в Баку. В значительной степени это также сферы связи, транспорта и коммуникаций.

² Надо отметить, что некоторые признаки голландской болезни наблюдаются и в экономике Армении. Однако в данном случае роль «ресурса», который оказывает влияние на поступление значительного объема денежных средств в страну, не зависящих от реального сектора армянской экономики, играют трансферты и денежные поступления из диаспоры и от граждан Армении, работающих за рубежом и высылающих большие денежные суммы своим родственникам и семьям. Но именно в силу того, что эти трансферты в подавляющем большинстве случаев имеют частный характер и доходят непосредственно до конкретных граждан Армении, они не оказывают такого негативного влияния на экономику страны. Более того, путем стимулирования покупательской активности населения они играют роль своеобразного мультипликатора развития реальных секторов экономики страны. Ведь одной из основных проблем «голландской болезни» является именно монополизация и коррумпированность контроля над распределением доходов от продажи ресурсов государственно-бюрократическим аппаратом и/или кланово-олигархическими элитами. Отсутствие государственного и монополизированного контроля над поступлением частных трансфертов «извне» экономики страны не является серьезным препятствием для развития экономики, и – что также немаловажно – не создает таких объективных препятствий для строительства демократических институтов, как это случается в большинстве богатых природными ресурсами странах мира. Зависимость Армении от денежных трансфертов на «государственном» уровне (например, получаемых от ЕС или в рамках американской программы «Вызовы тысячелетия») в силу объективно более высокой степени транспарентности и контроля со стороны западных стран-доноров также препятствует монополизации процесса распределения этих средств со стороны государства и бюрократическо-олигархических элит.

грация из разорившихся сельских районов в столицу (а также за границу, особенно в Россию и Турцию), и ускоренная и достигающая угрожающих размеров урбанизация Апшеронского полуострова. В связи со спадом и неконкурентоспособностью таких традиционных для Азербайджана несырьевых секторов экономики, как сельское хозяйство и химическая промышленность, которые обеспечивали значительное количество рабочих мест в стране, усугубилась проблема с безработицей и значительной внешней миграцией трудоспособного населения. Углубляющаяся имущественная дифференциация населения, увеличивающееся различие между Апшеронским мегаполисом и сельскими районами страны в результате неравномерного и однобокого развития экономики (например, налицо почти полное разорение хлопковой отрасли сельского хозяйства Азербайджана) приводят к накоплению значительного социального напряжения в стране.

Надо также учесть, что в отличие, например, от малых нефтедобывающих государств Персидского залива (Кувейт, Бахрейн, ОАЭ) со сравнительно небольшим населением, которые за счет добываемой нефти могут обеспечить высокий уровень жизни всех своих граждан, являющихся полноценными бенефициариями нефтяных доходов страны, у Азербайджана несколько иная ситуация. Азербайджан так же, как Казахстан, Саудовская Аравия, Венесуэла, Нигерия и практически все остальные средние и крупные нефтеперерабатывающие государства (за исключением Норвегии и Великобритании), характеризуется достаточным уровнем добычи нефти, чтобы она оказывала влияние на их внутреннюю и внешнюю политику, но слишком низким (в силу значительного населения или же наоборот – недостаточного уровня добычи нефти и газа на душу населения), чтобы быть в состоянии обеспечить всем гражданам своей страны достойный уровень жизни. В результате, в таких нефтяных странах создается огромная имущественная и социальная дифференциация населения или так называемая «двухэтажная экономика», где очень небольшая часть жителей страны живет за счет сверхдоходов от «трубы» (или же доступа к ее «обслуживанию»), тогда как подавляющее большинство остального населения впадает во все увеличивающуюся нищету.

Социальное напряжение и поляризация доходов и благосостояния граждан страны в случае Азербайджана приводит также не только к росту недовольства населения властями (пусть в настоящее время пока еще формально не столь заметное), но и к искушению «исламизацией» как ответа или реакции на ускоренную модернизацию общественной и духовной жизни страны [5, с. 276-277].

При этом беспристрастный анализ со стороны представителей вовлеченных в карабахский мирный процесс международных организаций и ведущих западных держав довольно сдержанно оценивает реальность силового шантажа

Азербайджана на основе «нефтяных сверхдоходов». В частности, влияние нефтяного фактора на милитаризацию региона и на вероятность возобновления военных действий в зоне карабахского конфликта было исследовано в опубликованном в ноябре 2007г. Международной кризисной группой (ICG) специальном аналитическом докладе. В докладе, озаглавленном «Нагорный Карабах: рискуя войной», международные эксперты указывали, что, несмотря на довольно значительные закупки Азербайджаном вооружений, тем не менее, военный баланс в целом не изменился и вряд ли может измениться в ближайшее время, что во многом обусловлено выгодной для армянской стороны географической конфигурацией линии фронта в Нагорном Карабахе, где значительная часть господствующих высот находится под контролем армянской стороны, а уязвимые участки соприкосновения с азербайджанскими войсками представляют собой глубоко эшелонированную линию фортификационных укреплений [6]. Но при этом аналитики особо отметили, что реальная опасность боевых действий может возникнуть не столько от усиленной милитаризации Азербайджана, сколько из-за возможного к 2012г. резкого снижения добычи азербайджанской нефти и соблазна решить конфликт силой, «когда доходы от экспорта нефти Азербайджана, вероятно, начнут снижаться, и военная авантюра может представиться средством отвлечения внимания граждан страны от экономических проблем» [7, pp. i-ii, 19].

Для более полного объяснения сути и реальности нефтяного фактора в Азербайджане представляет интерес выдвигаемый авторами доклада ICG тезис о проблематичности дальнейшего бурного увеличения нефтяных доходов Азербайджана после 2012г., что связано с исчерпанием основных разведанных запасов нефти и газа в азербайджанском секторе Каспийского моря и переходом их в стадию так называемой «падающей добычи». Данный анализ сделан на основе выводов авторитетных международных экспертов, в том числе работающих на известную британскую нефтяную компанию *British Petroleum* (BP). Кроме этого, указывается на значительный уровень коррумпированности и сложности перераспределения нефтяных доходов в Азербайджане, а также говорится о четких симптомах т.н. «голландской болезни», проявляющейся в этой стране, и связанного с этим глубокого кризиса ненефтяного сектора азербайджанской экономики. При всем этом чрезвычайно капиталоемкая отрасль нефтяной промышленности Азербайджана обеспечивает работой лишь незначительную занятость населения – в ней работает всего около 76 тыс. азербайджанцев, тогда как общая численность трудоспособного населения страны насчитывает (по официальной статистике) около 4 миллионов человек [7, p. 10].

Как отмечают авторы в этом разделе документа, довольно симптоматично

озаглавленном «Нефтяное проклятие Азербайджана» и анализирующем роль каспийских углеводородных запасов на экономическое развитие этой страны, «ненефтяной бюджет государства в настоящее время дефицитен. Приблизительно 70% расходов прямо или косвенно финансируются за счет продажи нефти» [7, р. 9]. Хотя к 2012г. у Азербайджана, видимо, сохранится возможность получать платежи за транзит газа и нефти по трубопроводам из Центральной Азии, но это не возместит потерь азербайджанской экономики от снижения добычи собственной нефти. Как оценивают эксперты Международного Валютного Фонда, доходы от продажи нефти в 2009г. достигнут максимума в 46% ВВП и снизятся к 2012г. до 32,6%, что в номинальном выражении составило бы примерно \$20,5 млрд в 2009г. и \$17,8 млрд в 2012г. Поэтому если комплексные доходы от нефти будут оставаться практически единственным источником бюджетных расходов Азербайджана, к 2012г., когда прогнозируется начало спада добычи нефти, в этой стране может начаться масштабный экономический кризис: «Когда начнут снижаться доходы от продажи нефти, то же произойдет с реальным ростом ВВП. Сальдо ненефтяных доходов и расходов бюджета достигнет дефицита в приблизительно 60% в 2011г. и 65% в 2012г. К 2012г., только через два года после пиковых доходов, вероятно, потребуются активы нефтяного фонда для восстановления дефицита бюджета в 5,4% ВВП. С учетом некомпетентного руководства экономикой и коррупции, Азербайджан может оказаться в трудной ситуации менее чем через восемь лет» [7, р. 10].

При этом важно отметить следующее обстоятельство: известно, что примерно 95% добычи нефти в Азербайджане осуществляют Государственная нефтяная компания Азербайджана (ГНКАР) и международный консорциум АМОК. Нефтедобычей занимается также ряд небольших совместных предприятий, однако их роль в нефтегазовом секторе Азербайджана незначительна. Но при этом ГНКАР в основном эксплуатирует старые нефтяные месторождения (на некоторых из которых нефть добывается уже почти 100 лет), с высокой и растущей из года в год себестоимостью добычи (в начале 2005г. она составляла около \$41 за тонну). Это объясняется морально и физически устаревшим нефтяным оборудованием ГНКАР, необходимостью значительных капиталовложений для модернизации государственной нефтяной промышленности Азербайджана, а также ускоренным истощением собственных месторождений нефти (по азербайджанским данным, они составляют примерно 150-200 млн тонн). В силу снижения уровня добычи ГНКАР государственный бюджет Азербайджана (примерно на 70% прямо или косвенно формирующийся за счет доходов от продажи нефти и газа) будет в значительной степени составляться уже не за счет собственно азербайджанских нефтегазовых государственных и частных компаний, а в ре-

зультате сбора средств и налогов от международных консорциумов и входящих в них компаний. В силу чрезвычайно высокого уровня доли нефти и газа в структуре государственных доходов, в ближайшем будущем Азербайджан может оказаться в ситуации экономической сверхзависимости от программ и проектов, осуществляемых в стране иностранными нефтяными компаниями. Эта негативная тенденция может привести к еще большей экономической и политической уязвимости Азербайджана от внешних факторов [8, с. 100, 105]. Особенно если учесть известную сверхзависимость Азербайджана в карабахском вопросе от внешних ограничителей, связанных с давлением на него в контексте необходимости обеспечения безопасности нефтепровода «Баку-Тбилиси-Джейхан» и иных масштабных международных коммуникационных проектов.

Другим негативным фактором, связанным с излишним влиянием собственных дешевых энергоресурсов на эффективность экономического развития и конкурентоспособность Азербайджана, является проблема энергоёмкости. Мерой экономности и, следовательно, конкурентоспособности любой экономики является, в частности, такой параметр, как энергоёмкость ВВП. В силу излишка добываемых Азербайджаном местных энергоресурсов, а также производства на их основе электроэнергии, у этой страны нет достаточных стимулов для ее экономии, особенно учитывая то, что многие потребители получают прямые и косвенные государственные дотации. В результате, как это ни парадоксально, в Азербайджане производится больше электроэнергии на душу населения, чем, к примеру, в Армении, но ее не хватает даже для круглосуточного энергообеспечения некоторых регионов страны. Выше в Азербайджане и расход электроэнергии на единицу произведенной промышленной продукции, что также сказывается на эффективности экономики. Несмотря на предупреждения международных организаций, лишь примерно с 2005г. для решения этой проблемы Азербайджан стал вносить коррективы в свою политику в данном вопросе [9, с. 124-125].

Кроме этого, существуют также и иные поводы возникновения серьезного беспокойства относительно стабильного социально-экономического развития Азербайджана. Зачастую страны-экспортеры нефти в ожидании перспективных значительных доходов увеличивают свои бюджетные расходы и даже берут значительные кредиты на реализацию различных масштабных долгосрочных проектов, за которые бы они не взялись в иных случаях [10]. Это могут быть расходы на капитальное строительство, на развитие инфраструктуры, на реализацию проектов в сфере образования и социальной сферы, а могут проявляться в милитаризации, закупках большого количества вооружений и военном реформировании. Однако опасность таких долгосрочных и дорогостоящих проектов в том, что если цены на нефть вдруг упадут, продолжение или даже сохранение

прежнего значительного уровня капиталовложений на продолжение данных проектов будет весьма трудно или даже невозможно. Это приведет к резкому сокращению государственного бюджета, прекращению социальных выплат и к увеличению внутренней напряженности в стране [2, с. 105-106]. Иными словами, если вдруг резко упадут цены на нефть, вполне реальна ситуация, когда Азербайджан не только не сможет продолжать на прежнем уровне гонку вооружений и милитаризацию страны, а также строить автобаны, кинотеатры и большие спортзалы в удаленных сельских районах страны, но даже вынужден будет резко сокращать социальные выплаты, пособия и зарплаты бюджетникам.

Опыт шахского Ирана конца 1970-х гг. довольно хорошо иллюстрирует, к чему может привести рост социального недовольства в стране-экспортере нефти, особенно если эта страна мусульманская. Ускоренная модернизация столичного населения и молодежи Ирана в результате влияния нефтяных сверхдоходов в первой половине 1970-х гг., на фоне поляризации социального и экономического благосостояния большей части жителей страны, привела к постепенному накоплению общественного недовольства, которое из сферы социально-экономической постепенно переходило в религиозную (следовательно – в политическую) сферу, что в итоге вылилось в массовые акции протеста, свержение шахского режима и в Исламскую революцию 1978-79гг. Понятно, что в таких условиях еще более негативные последствия могут иметь аналогичные процессы в Азербайджане, где нет подобных Ирану вековых традиций государственности, сопоставимого экономического и политического потенциала.

Попытки же проецирования внимания общественности от внутренних социально-экономических проблем на внешнеполитическую активность, милитаризацию и поиски внешних врагов, которые на определенном этапе могут подкрепляться средствами от добычи природных ресурсов, также не всегда (вернее, практически никогда) не оканчивались благополучно. Вспомним и Габсбургскую империю, и саддамовский Ирак, и бывший Советский Союз, и десятки других подобных примеров¹ исторических неудач.

¹ Во многом аналогичную ситуацию, сложившуюся в связи с масштабными военными и внешнеполитическими авантюрами Испанской империи в конце XVIв. и основанную на огромном притоке в испанскую экономику природных ресурсов – золота и серебра из новых американских колоний Испании, очень хорошо в своем труде иллюстрирует известный французский ученый Фернан Бродель: «Уже в 1590 году, а тем более в 1593-м и в 1595-м заметны признаки надвигающегося банкротства кастильской короны. Ее расходы неперестанно растут, а доходы падают пропорционально снижению налоговых поступлений; неблагоприятная экономическая конъюнктура приводит к краху многих компаний и арестам за долги. Невзирая на все неприятности, увеличивается только объем ввоза серебра из Америки, как и оборот металлических денег в Севилье, Барселоне и Генуе, в Венеции и на Рейне, по которому наличность переправляют в Нидерланды, – этот механизм не дает сбоев. Благополучие в основополагающем секторе экономики порождает иллюзии даже у дельцов, притупляет их чувство опасности, вопреки гигантским военным предприятиям Испании, поссорившим ее с большей частью Европы, вопреки обычно присущей этим людям осторожности и вопреки стеснениям, накладываемым очередным запретом на вывоз серебра с 1589 года». *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч.2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., 2003, с. 234.

По мнению экспертов, именно эта комбинация вероятности внутривнутриполитического взрыва и усугубления социальной напряженности внутри Азербайджана, возникающая от неравномерного и неэффективного распределения доходов от нефти и неоправданно больших расходов на решение внешнеполитических задач и на милитаризацию, могут привести Баку практически к тому же итогу, к которому история привела все вышеуказанные страны, чрезмерно полагавшиеся на политическую мощь своих природных ресурсов. Но, к сожалению, этот фактор действительно повышает риск в среднесрочной перспективе начала Азербайджаном войны против Армении и Карабаха, но скорее под влиянием своих внутренних проблем, а не от ощущения собственного превосходства и мощи, основанных на нефтяных доходах.

3. Влияние региональной гонки вооружений на эффективность «карабахской стратегии» Азербайджана

Известно, что после заключения перемирия в мае 1994г. все стороны, вовлеченные в карабахский конфликт, провели значительную работу по укреплению своих вооруженных сил. Особенно в этом вопросе отличился Азербайджан.

В частности, были проведены структурная реорганизация и техническое перевооружение ВС Азербайджана, и в настоящее время они значительно превосходят по боеспособности азербайджанскую армию периода карабахской войны. Азербайджан за последние годы закупил значительное количество вооружений и военной техники (ВВТ), особенно танков, артиллерийских систем и боевых самолетов [11]. Вооружение было поставлено, в основном, из Украины, России, государств Центральной Азии, Восточной Европы и Китая. Существенным фактором, оказывающим дестабилизирующее воздействие на регион, западные эксперты считают поставку Украиной Азербайджану в 2004-2005гг. двенадцати 300-мм реактивных систем залпового огня (РСЗО) 9А52 «Смерч», по своему поражающему воздействию вплотную примыкающих к категории оружия массового поражения. Появление РСЗО «Смерч» у ВС Азербайджана способно повлиять на сложившийся военный баланс на Южном Кавказе [12]. В настоящее время на вооружении Азербайджана появились оперативно-тактические ракеты (ОТР) 9К72 «Точка-У» с довольно большой точностью стрельбы и с дальностью действия примерно в 120 км, также способные повлиять на имеющийся региональный баланс сил. Масштабные закупки Баку ВВТ привели к тому, что только количество танков, находящихся на вооружении азербайджанской армии, по различным оценкам составляет свыше 500 единиц [13].

Весьма существенным является вклад Турции в укрепление ВС Азербайджана в виде подготовки военных специалистов, поставки различных видов

ВВТ, а также военных советников. В последнее время наблюдается также активизация военного сотрудничества с Россией. Новые возможности для неограниченной милитаризации Азербайджана и региональной гонки вооружений может создать ситуация в связи с мораторием России на выполнение положений Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) и фактическим развалом этого механизма по контролю над вооружениями и военной деятельностью [14].

Тем не менее, в настоящее время, превосходя армянские вооруженные силы по численности личного состава и количеству ВВТ, ВС Азербайджана уступают им по общему уровню боеспособности. В частности, азербайджанским ВС свойствен высокий уровень коррупции, что не может не отразиться на их морально-психологическом состоянии. Кроме того, остается слабой выучка личного состава, приобретаемое азербайджанскими офицерами западное военное образование и опыт пока не востребованы в масштабе всех вооруженных сил. Естественно, аналогичные сложности испытывают и вооруженные силы Армении (как и Армия обороны НКР), однако в силу особенностей внутриполитического и социально-экономического развития Армении и Нагорного Карабаха в постсоветский период и фактора успешного для армянских сторон исхода боевых действий в 1992-94гг. вышеуказанные проблемы не стоят для них так остро, как в Азербайджане.

Отличительной стороной ВС Азербайджана, по сравнению с армянскими, является довольно большое количество находящихся на вооружении боевых самолетов и вертолетов. Вместе с тем, значительную часть боевых самолетов ВВС Азербайджана составляют истребители МиГ-25 различных модификаций (не менее 30 единиц), предназначенных в основном для воздушных боев или глубинной разведки и не вполне приспособленных к действиям против наземных войск (хотя азербайджанцами предпринимались попытки использовать их в таком качестве в 1993-1994гг. в Карабахе). В условиях незначительной численности армянской авиации применение в возможных воздушных боях азербайджанских истребителей-перехватчиков МиГ-25 может быть весьма ограничено.

Однако надо отметить, что на вооружении ВВС Азербайджана находятся также штурмовики Су-25. За последние два года их количество увеличилось, и сейчас Азербайджан располагает свыше 20 самолетами Су-25, предназначенными для непосредственной огневой поддержки сухопутных сил. Кроме этого, ВВС Азербайджана имеют на вооружении определенное количество фронтовых бомбардировщиков Су-24. Штурмовики Су-25 и бомбардировщики Су-24 весьма хорошо себя зарекомендовали в ходе многих локальных конфликтов и активно применялись Азербайджаном в военных действиях 1992-1994гг.

Со второй половины 1990-х гг., с целью повышения возможностей своих ВВС по подавлению наземной ПВО, Азербайджаном было закуплено большое количество противолокационных ракет для оснащения самолетов Су-24 и МиГ-25. В последние годы в сотрудничестве с украинской стороной в Азербайджане был создан специализированный авиаремонтный и учебно-тренировочный центр ВВС, а также поставлены модернизированные истребители МиГ-29 и новая партия учебно-боевых самолетов Л-39 из Украины.

Однако эффективность применения ВВС Азербайджана, в случае возобновления боевых действий, значительно снижается благодаря сильной объединенной системе ПВО Армении и Нагорного Карабаха. Причем армянские силы имеют эшелонированную систему ПВО, включающую зенитно-ракетных комплексы дальнего и среднего радиуса действий (С-125, С-75, «Круг», «Куб»), зенитно-ракетных и зенитно-артиллерийских комплексов ближнего радиуса, а также переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК) («Оса», ЗСУ-23-4, «Игла», «Стрела»). Поступление на вооружение армянских войск ПВО новых ЗРК позволило в значительной степени нейтрализовать численное превосходство Азербайджана в воздухе.

Хотя нельзя исключать того, что азербайджанские ВВС в настоящее время имеют больше возможностей для частичного подавления ПВО армянских вооруженных сил (несмотря на значительно возросший потенциал армянской ПВО в противодействии азербайджанской авиации по сравнению с военными действиями 1992-94гг.). Определенную опасность для армянской ПВО, кроме противолокационных ракет, могут представлять внезапные удары (особенно по стационарным объектам ПВО в НКР) РСЗО «Смерч» и ОТР «Точка-У», дальнобойных артиллерийских систем М-46, 2А36 «Гиацинт» и 203-мм САУ «Пион», а также действия азербайджанских диверсионных групп. Появление на вооружении азербайджанской армии беспилотных самолетов-разведчиков (БПЛА) израильского производства также может создать некоторые проблемы для армянской ПВО в зоне карабахского конфликта, как в силу возрастания разведывательных возможностей по обнаружению позиций армянских ЗРК, так и с учетом увеличения количества реальных и ложных воздушных целей в небе Карабаха в случае массового первого удара азербайджанской армии, что снижает эффективность ПВО Армении и Нагорного Карабаха.

С учетом сложного горного рельефа местности в Нагорном Карабахе, Азербайджан сможет достаточно эффективно использовать ударные вертолеты Ми-24, что, однако, не создаст качественного превосходства над армянскими сухопутными войсками.

Таким образом, как и в ходе войны 1992-1994гг., исход вероятных боевых

действий будет решаться на земле. Естественное старение боевой техники (к примеру, на вооружении Азербайджана находится большое количество танков Т-55 выпуска еще конца 1950-х гг., закупленных в период карабахской войны на Украине) привело к тому, что довольно значительная часть ВВТ азербайджанской армии нуждается в капитальном ремонте или даже полной замене. С учетом того, что ВВТ азербайджанской армии являются в основном российско-советского, восточноевропейского или китайского производства, ВС Азербайджана существенно зависят от импорта запасных частей и комплектующих. С аналогичной проблемой сталкиваются естественно и армянские вооруженные силы, однако в силу членства Армении в ОДКБ и военно-политического союза с Россией, проблема ремонта и обеспечения комплектующими ВВТ армянской армии решается более эффективно. В том числе в силу того, что именно предприятия российского ВПК являются основными и оригинальными разработчиками и производителями большей части ВВТ, находящейся на вооружении армянской армии. В то время как ремонт и поставки комплектующих для ВВТ советского/российского производства азербайджанской армии осуществляются в основном в Украине, военно-промышленный комплекс которого в большинстве своем осуществляет «вторичное» (зачастую нелегальное) обслуживание военной техники, произведенной в СССР и/или выпускающейся сейчас на российских предприятиях¹.

При сравнительном анализе боеспособности ВС Азербайджана и вооруженных сил НКР и РА можно отметить, что по оценкам экспертов, карабахская армия является сравнительно компактной, но мобильной, с профессиональным офицерским корпусом, среднее и высшее звено которого практически полностью состоит из ветеранов боевых действий 1992-94гг. Армия Оборона (АО) НКР технически также довольно хорошо оснащена, в том числе трофейными ВВТ, которые впоследствии были частично модернизированы. Организационная структура АО позволяет ее небольшим подразделениям мобильно и эффективно действовать, особенно в оборонительных боях и в горной местности. Кроме того, как показали результаты регулярно проводимых в НКР учений, в случае начала военных действий уровень мобилизации мужского населения Карабаха составляет практически 100%. Это позволяет не только увеличить численный состав Армии Оборона НКР, но и качественно укрепить за счет ветеранов кара-

¹ Это подтверждают и многочисленные аварии различного рода образцов ВВТ, оставшихся в Украине после развала СССР, прошедших «косметический» ремонт на украинских предприятиях и проданных зачастую по демпинговым ценам покупателям из числа постсоветских стран. Например, продажа 40 БМП-2 Грузии в 2004-2005гг. (из которых 38 штук оказались в нерабочем состоянии), или аварии закупленных Азербайджаном и Казахстаном также в Украине учебно-боевых самолетов МиГ-29УБ в 2008г.

бахской войны, обладающих богатым опытом ведения боевых действий и отлично знакомых с местностью. Это подтверждают и результаты командно-штабных и полевых учений АО НКР. Естественно, этот факт не сможет ликвидировать имеющийся значительный дисбаланс в людских ресурсах, и азербайджанская армия в случае возобновления боевых действий по-прежнему будет иметь численный перевес над армянскими и карабахскими войсками, однако фактор наличия в составе Армии обороны значительного контингента ветеранов может в качественном плане компенсировать эту разницу. В качестве подтверждения этого факта достаточно привести результаты боя 3-4 марта 2008г. у села Левонарх Мартакертского района НКР, который явился самым масштабным боевым столкновением на линии противостояния в Карабахе после заключения перемирия в мае 1994г.¹.

Слабой стороной карабахской армии является, как уже отмечалось, отсутствие боевой авиации (кроме ударных вертолетов Ми-24), что не позволяет вести комбинированные и широкомасштабные наступательные действия, особенно за пределами собственно Нагорного Карабаха на равнинной местности. Несмотря на отсутствие боевых самолетов и при условии эффективного «выживания» после первых ударов азербайджанской армии по наземным ЗРК и РЛС, имеющиеся у Армии обороны НКР средства ПВО, в принципе, могут весьма эффективно нейтрализовать превосходство ВВС Азербайджана в случае начала боевых действий. Карабахская сторона, в целом, не планирует наступательные действия на начальном этапе войны, так как нынешняя линия обороны позволяет ей вести намного более эффективную оборону малыми силами. Созданные фортификационные позиции вдоль всей линии соприкосновения, на строительство которых армянской стороной потрачены значительные материальные ресурсы, должны в случае военных действий смягчить первый удар наступающей азербайджанской армии и нанести ей ощутимые потери в технике и личном составе. Возможны также активные контр наступательные действия карабахской стороны после отражения первого удара, с последующим выходом на оперативный простор, что может в случае успеха поставить под угрозу многие жизненно важные районы Азербайджана.

Одновременно надо также учитывать, что в случае агрессии Азербайджана ответные ракетно-артиллерийские удары карабахской армии (вне зависимо-

¹ В ходе этого боя разведывательная рота 703-й бригады азербайджанской армии, воспользовавшись поствыборными событиями в Ереване 1-2 марта 2008г., попыталась провести «разведку боем» карабахский позиций на северо-восточном участке линии фронта, но потерпела неудачу. В результате ответных мер подразделений Армии обороны НКР азербайджанские войска потеряли примерно 13-15 солдат и офицеров только убитыми, в то время как потери карабахской стороны составили всего 2 военнослужащих ранеными.

сти от общего развития и итогов боевых действий) смогут нанести настолько значительный урон энергетическим и коммуникационным объектам на территории Азербайджана, что это в долгосрочной перспективе негативно скажется на его последующем экономическом и политическом развитии.

Вооруженные Силы РА оцениваются экспертами как наиболее боеспособные на всем Южном Кавказе. Главной ударной силой армянской армии продолжают оставаться сухопутные войска. ВВС пока имеют несколько ограниченную роль в боевом потенциале армянской армии, хотя в 2004г. в Словакии была закуплена довольно значительная партия штурмовиков Су-25 – 10 самолетов.

Несмотря на заявления представителей Министерства Обороны РА, что это была выгодная сделка, отсутствие истребительного прикрытия делает весьма сомнительной эффективное использование штурмовой авиации. Надо учесть, что Азербайджан обладает сравнительно большим количеством истребителей (в том числе закупленные в Украине самолеты МиГ-29), рассчитывает на поставки из России новых и модернизацию имеющихся систем ПВО. Исходя из этого, применение армянской авиации скорее всего будет носить локальный характер¹. В то же время система ПВО Армении, совместимая с дислоцированными на ее территории подразделениями ВВС и ПВО российской 102-й военной базы (эскадрилья самолетов МиГ-29 и 2 дивизиона ЗРК С-300В), позволяет прикрыть ее воздушное пространство.

Опыт последних локальных конфликтов показывает, что даже подавляющее превосходство в воздухе не в состоянии гарантировать успех сухопутных сил. Это наглядно продемонстрировало вторжение Израиля в Ливан летом 2006г. Сильнейшие в регионе Большого Ближнего Востока израильские ВВС, оснащенные самыми современными самолетами и имеющие на вооружении высокоточные системы оружия, так и не смогли сломить сопротивление фактически иррегулярных отрядов «Хезболлах», из средств ПВО оснащенных только ПЗРК. Следует также учесть, что в случае возобновления боевых действий Азербайджан не в состоянии даже гипотетически достичь такого абсолютного и безнаказанного превосходства в воздухе, какое было у израильских ВВС во вре-

¹ Вместе с тем, надо учитывать, что практически вся боевая авиация сторон имеет сроки эксплуатации не менее 18-20 лет. Хотя практически большая часть ВВТ, находящейся на вооружении сторон, произведена до конца 1980-х гг., однако проблема морального и технического старения боевой авиации стоит намного острее. Практически большая часть авиации сторон выработала свой полетный ресурс и даже их глубокая модернизация не сможет значительно повысить их боевые возможности. В случае же с сухопутными войсками и войсками ПВО проблема устаревания ВВТ не так остро отражается на их боевых и эксплуатационных свойствах. Это наглядно продемонстрировала, в частности, авария 29 января 2008г. над Каспийским морем одного из недавно поставленных из Украины и модернизированного украинскими специалистами азербайджанского учебно-боевого истребителя МиГ-29УБ.

мя ливанской кампании 2006г.¹. Азербайджанские ВВС имеют лишь немногим более 30 боевых самолетов, специализированных для выполнения задач нанесения бомбостурмовых ударов по наземным целям (самолеты Су-20, Су-24 и Су-25). Ограниченные задачи ударов по наземным целям могут выполнять также и частично модернизированные в Украине истребители МиГ-29 [15]. В то же время легкие учебно-тренировочные самолеты Л-29 и Л-39, в большом количестве находящиеся на вооружении ВВС Азербайджана, как показал опыт их боевого использования арабами (равно как их израильских аналогов) в войнах 1967 и 1973гг., не смогут сыграть особой роли в боевых действиях в условиях даже минимальной насыщенности ПВО противника лишь переносными зенитно-ракетными комплексами и зенитной артиллерией.

Так что с большой долей вероятности можно утверждать, что в случае возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта они опять будут вестись в основном на земле с участием сухопутных сил, оснащенных большим количеством бронетехники и артиллерии, что повышает значимость и эффективность фортификационных оборонительных линий карабахской армии вдоль нынешней линии фронта.

Представляется, что для оценки реальной ситуации также необходимо учитывать роль и возможность применения армянской стороной политики сдерживания противостоящей стороны. По мере раскручивания очередного витка гонки вооружений в зоне армяно-азербайджанского противостояния вероятность начала боевых действий снижается. Эта ситуация хотя и несколько парадоксальна, но хорошо знакома еще со времен Холодной войны и широко изучена в политологической науке. Вступает в силу механизм так называемого взаимного сдерживания, когда в силу высокой поражающей силы военных потенциалов вовлеченных в конфликт сторон, любые выгоды от начала боевых действий для страны, начавшей военные действия, не смогут оправдать понесенные ею людские и материальные потери, не говоря уже о политических последствиях для нее в результате негативной реакции международного сообщества. Согласно разработанным теориям в рамках военно-стратегических исследований, подтвержденными опытом сохранения международной и региональной безопасности последних

¹ Как отмечают израильские эксперты, по итогам боевых действий лета 2006г. Израиль будет вынужден отказаться от надежд выигрывать последующие войны со своими соседями «малой кровью» лишь с помощью ударов авиации и/или действий спецназа. В настоящее время ЦАХАЛ опять должен будет вернуться к той тактике и стратегии, которыми он до этого выигрывал войны против арабов: т.е. быть готовым вести маневренные и стремительные боевые действия с привлечением значительного количества сухопутных сил (естественно при поддержке своей авиации), с решимостью достижения целей, несмотря на потери. Кроме этого, одной из важнейших причин неудачи израильтян в Ливане явились неправильно оцененные результаты боевых действий НАТО против Югославии в 1999г. Надежды израильтян добиться снижения политического и военного потенциала «Хезболлах» и его поддержки со стороны населения путем масштабных бомбардировок и уничтожения объектов ливанской экономики и инфраструктуры оказались беспочвенными. См. подробнее: *Spyer J. Lebanon 2006: Unfinished War // Middle East Review of International Affairs, Vol. 12, №1 (March 2008), p. 6.*

десятилетий, под сдерживанием понимается предотвращение нежелательных военно-политических действий одной стороны в отношении другой (обычно уступающей ей в количественном отношении своего силового потенциала) посредством угрозы причинения ей неприемлемого ущерба.

Ситуация, повторюсь, абсолютно не новая и в определенной степени фиксирующая тенденции времен Холодной войны и биполярного противостояния сверхдержав, но тогда речь шла о сдерживающем потенциале ядерного оружия. В данном же случае речь идет о конвенциональном сдерживании обычными вооружениями, однако надо учитывать, что в результате гонки вооружений военные потенциалы и армянских, и азербайджанской сторон не сравнимы с периодом военных действий середины 1990-х гг. Тем более что некоторые системы вооружения, находящиеся на вооружении сторон, например РСЗО – 9А52 «Смерч» у азербайджанцев и WM-80 «Тайфун» у армян – по своим поражающим свойствам вплотную приближаются к тактическому ядерному оружию. Велика вероятность, что в случае возобновления боевых действий в первые же дни потери вооруженных сил противостоящих сторон и мирного населения составят даже не тысячи, а десятки тысяч человек. Тем более что с военно-технической точки зрения нет никаких оснований для быстрого азербайджанского «блицкрига» в Карабахе – наоборот, в случае возобновления боевые действия будут проистекать вероятнее по сценарию длительной «окопной» ирано-иракской войны 1980-1988гг. В этом случае затяжные боевые действия как с военной, так и с политической точек зрения (особенно в глазах международного сообщества) будут губительны именно для инициатора их возобновления.

Таким образом, как бы парадоксально это не звучало, взаимная гонка вооружений в зоне карабахского конфликта в реальности на данном этапе лишь повышает порог (или снижает вероятность) начала боевых действий. Это, конечно же, не является полной гарантией невозобновления военных действий, но создает серьезные их ограничители. Продолжающиеся закупки Азербайджаном вооружений действительно способны несколько изменить военный баланс, но стабильность в зоне карабахского конфликта будет сохранять создающийся уже новый баланс – можно его назвать «балансом угроз», – который вынудит стороны придерживаться хрупкого и нестабильного мира еще довольно долго. Как отмечал видный английский военный теоретик и историк Бэзил Лиддел-Гарт, «целью любой войны является мир, лучший, нежели довоенный (хотя бы с вашей собственной точки зрения)» [16, с. 403]. В условиях, когда противостоящая сторона будет твердо знать, что при любом исходе военных действий в Карабахе ее потери составят десятки тысяч людей и громадные материальные и экономические издержки, она не один раз хорошо подумает, прежде чем решится на возобновление конфликта. Решившись возобновить боевые действия,

Азербайджан вряд ли получит по их результатам лучший мир, чем довоенный. Как отмечает английский военный классик, «победа в ее истинном значении подразумевает, что послевоенное устройство мира и материальное положение народа должны быть лучше, чем до войны. Такая победа возможна только в том случае, если будет достигнут быстрый результат или если длительные усилия будут экономно расходоваться в соответствии с ресурсами страны. Цель должна соответствовать средствам» [16, с. 408].

Исходя из этого, возникает вопрос без четкого ответа: так насколько эффективно и рационально для Азербайджана рассчитывать на «отложенный реванш» в условиях не имеющей конца гонки вооружений, формирующегося «баланса угроз» в регионе и отсутствия надежд на «блицкриг» в Карабахе?

Заключение

Основные составляющие «карабахской стратегии» Азербайджана – политика «непрямого периферийного» давления, силовой шантаж, опора на политические, психологические и материальные ресурсы каспийской нефти, милитаризация и гонка вооружений и т.д. – способны влиять на общую конфигурацию баланса в зоне конфликта, скорректировать подходы и оценки ситуации в Армении, в Карабахе и у внешних акторов. Это политическая реальность, с которой надо будет обязательно считаться при любых анализах развития военно-технических, политических, социальных, экономических, и иных процессов вокруг карабахского конфликта, а также политической ситуации внутри самих сторон – участников противостояния. Вместе с тем, однако, совокупность вышеуказанных элементов и их соотношение с иными факторами, в том числе с учетом и сравнительным анализом имеющегося аналогичного мирового опыта современных локальных конфликтов, при самом критическом исследовании не дает реальных поводов для утверждения о возможном изменении или резком нарушении сложившегося статус-кво в зоне карабахского конфликта.

При этом в наиболее важнейшем измерении конфликтного противостояния (с точки зрения перспектив региональной безопасности) – военно-техническом и военно-политическом – ситуация такова, что даже с учетом существующего и перспективного количественного превосходства в личном составе и ВВТ, азербайджанская армия не в состоянии в краткосрочной перспективе добиться военного превосходства над более боеспособными вооруженными силами Армении и Нагорного Карабаха. Несмотря на громогласные заявления азербайджанского руководства о повышении своих военных расходов и новые бесконтрольные закупки ВВТ, вряд ли в обозримой перспективе реально достижение им безусловного военного успеха в случае начала военных действий.

Даже возможное увеличение нефтяных доходов Азербайджана не позво-

лит ему в ближайшем будущем достичь такого многократного превосходства над Арменией и НКР, чтобы надеяться на успех в войне в ходе одной быстрой наступательной операции на карабахском фронте. Вдоль всей линии противостояния в Карабахе за годы перемирия создана эшелонированная линия обороны, которую будет довольно сложно преодолеть, не имея подавляющего качественного и количественного превосходства над противником. По оценкам военных экспертов, насыщенность оборонительных позиций Армии Оборона НКР противотанковыми средствами и артиллерией позволяет нанести серьезные потери наступающим азербайджанским войскам, что ликвидирует многократное превосходство азербайджанской армии в танках и иной бронетехнике в ходе первого удара и не допускает возможность «блицкрига», быстрого прорыва в глубь территории Нагорного Карабаха.

На этом фоне сдерживающий военный и политический потенциал армянских сторон, а также все большее вовлечение и значительная стабилизирующая роль ведущих внешних акторов и международных организаций в регионе Южного Кавказа продолжают оставаться главными элементами сохранения хрупкого, но стабильного состояния мира в зоне карабахского противостояния.

Апрель, 2008г.

Источники и литература

1. *Клаузевиц К.* О войне. М.–СПб, 2007.
2. *Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд. М., 2007.
3. *Мау В.* Уроки Испанской империи // Россия в глобальной политике, Т.3, №1, Январь – Февраль 2005.
4. *Джуварлы Т.* Нефть и демократические ценности: опыт Азербайджана // Диаспора, нефть и розы. Чем живут государства Южного Кавказа. Ереван: Фонд Г.Белля и Кавказский институт СМИ, 2005.
5. *Юнусов А.* Ислам в Азербайджане. Баку, 2004.
6. *Минасян С.* Неопределенный риск войны: Новый доклад по Карабаху Международной кризисной группы // Голос Армении, 29.01.2008.
7. Nagorno-Karabakh: Risking War // Crisis Group Europe Report №187, 14 November 2007.
8. *Егиазарян А.* Истинная роль и значение нефтяного сектора в контексте социально-экономического развития Азербайджана // Армяне Азербайджана. Утраченная родина. Равноценная компенсация / Материалы конференции, 19.12.2005. Ер., 2006.
9. *Хачатрян А.* Энергетическая безопасность стран Южного Кавказа – роль стран региона и внешних сил // Кавказ. Ежегодник КИСМИ. Ереван: СМІ, 2006.
10. *Мамедов С.* Нефть строит дороги в Азербайджане // Независимая газета, 17.03.2008.
11. *Минасян С.* Военно-технические аспекты региональной безопасности и проблемы контроля над вооружениями на Южном Кавказе // Регион, Фонд «Нораванк», №2 (6), 2005.

12. *Минасян С.* Можно ли считать Украину крупнейшим поставщиком вооружений государствам Закавказья? // www.fondsk.ru, 01.06.2006.
13. *Минасян С.* Азербайджан против РА и НКР: военно-политический баланс, оценки боеспособности и перспективы развития вооруженных сил // Вопросы стратегии и безопасности / Под ред. Айвазяна А. Ер., 2007.
14. *Минасян С.* Мораторий на ДОВСЕ и Южный Кавказ // Россия в глобальной политике, №3, Май – Июнь 2008.
15. *Печорина Н.* Модернизация МиГ-29: операция реинкарнация // www.ugmk.info, 08.05.2007.
16. *Лиддел-Гарт Б.* Стратегия непрямых действия (Энциклопедия военного искусства). М.–СПб., 1999.

PECULIARITIES OF “KARABAKH STRATEGY” OF AZERBAIJAN: POLICY OF “PERIPHERAL” OPERATIONS, OIL RESOURCES AND ARMS RACE

Sergey Minasyan

Resume

Bulk analysis of situation on Karabakh conflict makes a ground to assert about lack of convergence in approaches and negative attitude of the conflicting parties to compromises and mutual concessions. The level of hypothetical maximal concessions, to which may as a matter of fact be ready any of the conflicting parties in course of negotiations, does not at all correspond to minimum expectations the society and elite of the other party has as a necessary precondition for “fair” (according to them) conflict settlement.

From the other hand, both internal constraints in the face of principle position of leading powers and international community and the current military-political and military-technical balance on the present stage certainly restrain resumption of military operations in the conflict zone. However, Armenian-Azerbaijani vigorous confrontation is not lessened, it just steps into another stage, that's to say to one-sided “peripheral” operations – stirring up arms race, making use of time factor, force blackmail, attempting to weaken the opposing party economically and psychologically and forcing unilateral concessions etc. These steps are mainly initiated by revenging moods in Azerbaijan, which as a result of military operations, considers itself to be the aggrieved party.

In spite of terminological complexity of giving the definition of the word “strategy,” in the very article we will conditionally call the complex of approaches, conceptions and standpoints of that country’s authorities, political, military, economic, communication and other means of influence carried out by official Baku to Nagorno-Karabakh and Armenia “Karabakh strategy” of Azerbaijan. The component part of the mentioned “strategy of divert operations” of Azerbaijan is also to be considered its information propagandistic, economic and military-political initiative (deliberate or not deliberate) addressed to the countries involved in the Karabakh conflict settlement process and international organizations.

One of the most important elements of the very policy of Azerbaijan is open and public threats to resume military operations, which exerts influence on the psychological conflict perception of both western powers and international organizations and certain circles inside the Armenian political elite. Force blackmail is displayed both in the announcements of state and political figures of quite different levels of Azerbaijan and prevails in moods and estimations among most of the Azerbaijani political elite and large sections of the public. Moreover, not much openness and greater centralization (in comparison with Armenia) of Azerbaijani society and political sphere make this position almost without any alternatives in perception of the conflict and ways of its settlement in Baku. Additional argumentation of Azerbaijan’s policy in the opinion of its authorities and political elite is unjustified high expectations from the role of oil factor and desire to impose arms race on Armenia and Karabakh.

This article is devoted to the analysis of peculiarities and the real potential of the three key elements of Azerbaijan’s “Karabakh strategy” – information-political influence, oil incomes and militarization of the region. For more detailed perception of the problem in the article is also made a contrastive analysis of the situation taking into consideration the world experience of military political processes in analogical local armed conflicts.